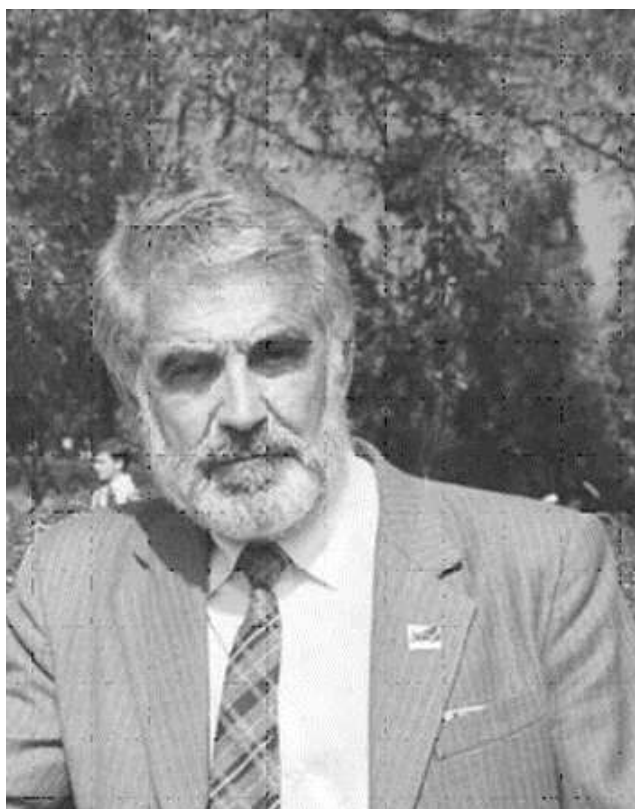

УДК 1–051

СЛОВО О КОЛЛЕГЕ

З.М. Абдулагатов,
Института ИАЭ ДНЦ РАН, Махачкала

zaid48@mail.ru

В этом году исполняется 80 лет со дня рождения доктора философских наук, профессора Раджабова Уллубия Алиевича.

У.А. Раджабов родился 10 октября 1934 в с. Согратль Гунибского района Республики Дагестан. Уллубий Алиевич окончил физико-математический факультет Дагестанского педагогического института (1956 г.), работал директором Бежтинской средней школы. (1956–1957 гг.), учителем физики Согратлинской средней школы (1957–1960 гг.), преподавателем Совпартшколы (1960–1963 гг.), преподавателем Дагестанского сельскохозяйственного института (1963–1965 гг.). В 1965 г. Уллубий Алиевич поступает в очную аспирантуру кафедры естественных факультетов Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. В 1970 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата философских наук, а в 1984 г. – доктора философских наук. С 1968 по 1983 г. Уллубий Алиевич работал в Институте философии АН СССР, а 1983 г. он перевелся на работу в Дагестанский филиал АН СССР. С 1983 по 2000 гг. работал в Отделе социологии, сначала старшим (1983–1986 гг.), затем ведущим научным сотрудником (1986–2000 гг.). Одновременно с 1992 г. до своей кончины в 2000 г. заведовал кафедрой философии и иностранных языков ДНЦ РАН.

Уллубий Алиевич был активным участником научных конференций международного, всесоюзного и регионального уровней. Он участвовал в работе V, VII, VIII конгрессов по логике, методологии и философии науки (Канада, 1975; Ганновер, 1979; Зальцбург, 1983); XVI всемирного конгресса философов (Дюссельдорф, 1979); XVIII всемирного конгресса философов (Монреаль, 1983).

У.А. Раджабов возглавлял организованный по собственной инициативе социально-экологический союз «Табиат», являлся заместителем Председателя республиканского общества «Знание» по пропаганде философских знаний.

Научная деятельность У.А. Раджабова четко делится на два периода – до и после 1983 г. До 1983 г. (до переезда в Дагестан) он активно занимался философией и методологией науки. Необходимо заметить, что данные направления всегда были наиболее сложными и приоритетными в системе философского знания. Эта сложность обуславливалась и тем, что в господствовавшей в те годы марксистской философии философия науки не признавалась полноценной научной дисциплиной. Она считалась одним из течений современной буржуазной философии, исследующим структуру научного знания, средства и методы научного познания, способы обоснования и развития знания. Также считалось, что философия науки не способна воспроизвести процесс развития науки во всей его диалектической полноте (См.: Философия науки, 1983).

Но ход истории оказался не таким прямолинейным, каким его видели, советские марксисты. Сильный удар по их версии «диалектико-материалистического» понимания природы науки нанесли именно зарубежные представители философии науки. Ирония истории заключалась в том, что представители философии науки, которые жестко критиковались советскими философами-марксистами, оказались более глубокими и объективными исследователями диалектических процессов развития научного знания. Исследования П. Фейерабенда, И. Лакатоса, К. Поппера, Т. Куна, С. Тулмина – представителей зарубежной философии и методологии науки, – первоначально ввели в шок советскую школу философии. Именно в этой среде появилось и быстро распространилось столь широко распространенное в современной науке понятие «парадигма» (Т. Кун). Утверждения Т. Куна о том, что «не существует фактов, независимых от парадигмы», «не существует теоретически нейтрального языка наблюдения», «не факты судят теорию, а теория определяет какие именно факты войдут в осмысленный опыт» (См.: *Кун Т.*, 1977. С. 300), наряду с позицией К. Поппера, о том, что истинность, научность теории определяется не подтверждением его положений фактами (принцип верификации), а наоборот, принципиальной возможностью его опровержений (принцип фальсификации) (См.: *Поппер К.*, 1983. С. 245), находились в противоречии с устоявшимися положениями советской философской школы. Советские марксисты, и не только они, считали, что научная теория появляется на основе простого обобщения эмпирических фактов. Этот взгляд оказался ложным, не соответствующим сложным процессам роста научного знания.

В последней четверти XX в. методологи науки в СССР в массовом порядке приступили к критическому осмыслению исследований западных философов. Проводились многочисленные научные конференции, было издано большое количество монографических исследований, посвященных этой теме, во много крат больше – научных статей. Причем, авторами этих изданий были как рядовые, так и маститые философы, в том числе и академики, работающие в Институте философии АН СССР.

В это «горячее» время для марксистской философии Уллубий Алиевич оказался в гуще событий. Известные советские философы Л.Б. Баженов, Ю.Б. Молчанов, Е.А. Мамчур, Б.С. Грязнов, Э.М. Чудинов, П.С. Дышлевый, В.М. Найдыш, Г.И. Рузавин и др. были его коллегами. А многие, благодаря тому, что он был весьма общительным человеком – его друзьями. Эта была крепкая компания, которая в науке «слезам не верила». Некоторых из них автор этих строк знал не только по их замечательным публикациям, но и сдавал им экзамены, слушал их на научных семинарах, заседаниях секторов Института философии, где они бурно обсуждали указанные выше проблемы. Каждый из них был личностью в науке, со своими устоявшимися научными взглядами, принципами, культурой. Найти среди них свою научную нишу означало не просто много знать, но и много уметь. Уметь найти свое в философском океане взглядов и мнений.

Исходя из состояния сложившихся проблем в методологии и логики науки к тому времени, Уллубий Алиевич много сил и времени отдавал проблемам развития науки, многократно обращался к философским проблемам принципа соответствия в физических теориях. Этот принцип, который сформулирован выдающимся физиком Н. Бором, был выдвинут для обозначения идеи преемственности в развитии физического знания. Философское осмысление этого явления было важно по нескольким причинам. Во-первых, философское обобщение принципа давало возможность выявить один из сложных механизмов развития научного знания в переломные, революционные периоды его развития. Во-вторых, через принцип соответствия можно было дать мощную диалектико-материалистическую критику концепции Т. Куна, в

которой утверждалось, что до и постреволюционные состояния науки несоизмеримы, т.е. по Куну в научном знании смена парадигмы означала невозможность какой-либо преемственности знания в периоды ее крутой ломки. Работая над проблемой, Уллубий Алиевич издал не только ряд фундаментальных статей, но и монографию «Принцип соответствия в физических теориях» (М.: Наука, 1982). Оценивая его вклад в решение этой проблемы в Заключении специализированного совета по философским наукам при Ростовском государственном университете было отмечено: «Впервые последовательно проведена системная трактовка методологического принципа соответствия, реализующего преемственность в развитии науки, исследованы разнообразные функции, которые этот принцип в той или другой форме выполняет на различных этапах научного исследования».

Интересы Уллубия Алиевича к проблемам качественных изменений в науке не ограничились философским анализом принципа соответствия. Анализ принципа соответствия показал, что полный антикумулятивизм Т. Куна является преувеличением. Уллубий Алиевич также показал, что полная преемственность научного знания, на чем делался акцент в кумулятивистской концепции советской, да и мировой школы философии и методологии науки, реально происходящими процессами в периоды коренных изменений в науке не подтверждается. Что-то из прошлого знания отбрасывается окончательно и бесповоротно, что-то меняется коренным образом. Справедливости ради надо сказать, что в российском марксизме задолго до Т. Куна имелись идеи, которые подсказывали некумулятивный характер революционных изменений вообще. Так, известный марксист В.И. Ульянов-Ленин писал: «Революция есть такое преобразование, которое ломает старое в самом основном и коренном, а не переделывает его осторожно, медленно, постоянно, стараясь ломать как можно меньше» (*Ленин В.И.*, С. 222). Эта была общая идея, в которой, как и в подходе Т. Куна, утверждалось, что революционные изменения не кумулятивны в отношении основного содержания происходящих изменений. Перенос этой идеи в сферу развития научного знания ставил сложные задачи выявления того коренного содержания, которое меняется, также как и содержания инвариантного при революционных изменениях. Да и вообще, как все это происходит в науке, какова специфика научной революции, если научное сообщество не признает идею Т. Куна, согласно которой революция в науке есть смена несоизмеримых парадигм.

Уллубий Алиевич долго и упорно занимался поисками ответа на эти вопросы. В результате этого им была написана и издана книга «Динамика естественнонаучного знания» (*Раджабов У.А.*, 1982. С. 336). Можно сказать, что это его главный научный труд, на основе которого в 1984 г. была защищена диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук. В книге автор показал, что проблемы современной западной философии науки, в частности в работах Т. Куна, связаны с тем, что не принимается за основу принцип отражения, а научное знание истолковывается в духе прагматизма и инструментализма. «Благодаря этому из методологии выбрасывается понятие истины, без которого невозможно понять природу научного знания и его развитие. Чем становится наука, лишенная понятия истины? – Не более чем инструментом для организации нашей практической деятельности или одним из средств самовыражения отдельных индивидов. Отсюда вытекает и отрицание научного прогресса, и несоизмеримость научных теорий, и, в конечном итоге, скептицизм и анархизм в отношении к науке и возможностям человеческого познания» (*Раджабов У.А.*, 1982. С. 238). В монографии делается вывод о том, что «научная революция всегда связана с пересмотром методологических принципов, которыми руководствуются ученые в своей научной деятельности» (*Раджабов У.А.*, 1982. С. 326).

В то же время Уллубий Алиевич сознавал, что его ответ на поставленные вопросы – это реализация одной из многих возможностей. Совершенно объективно он считал, что «задача построения адекватной модели развития науки... все еще ждет своего решения» (*Раджабов У.А.*, 1982. С. 326).

Как показывает современное состояние философии и методологии науки, Уллубий Алиевич был прав: а) общая теория развития науки до сих пор не создана; б) современные представления о культуре вообще, о науке в частности, все больше увязываются с постмодернистскими принципами видения объективного мира, где одно из главных мест занимает отрицание роли понятия истина. Потеряв «почву» под ногами, витая в виртуальных символических пространствах, рассуждая о «копиях» (в терминологии постмодернистов – о симулякре), легко затеряться в океане знаний.

Необходимо сказать, что Уллубий Алиевич был одним из немногих дагестанцев, которые посвятили свою жизнь сложным теоретическим проблемам философии и логики науки. Приехав в

1983 г. в родной Дагестан, он понял, что далее работать в данном научном направлении он не может. Во-первых, в Дагестане не было той научной атмосферы, фона, традиций философии и методологии науки, которые очень важны для полноценной научной деятельности ученого. Во-вторых, ему пришлось бы работать «на два фронта», так как плановые исследования отдела социологии были иного характера и требовали немалых усилий.

Тем не менее, в первые годы работы в Отделе социологии Института ЯЛИ ДФ АН СССР он пытался соединить исследования по методологии науки и социологию. В 1984 г. тема его плановой работы называлась «Исследования дагестанских философов по методологии науки» (139 с.). В 1985 – 1986 гг. он работал над темой «Возникновение и развитие естественнонаучного знания в Дагестане» (468 с.). В 1987 г. разрабатывал тему «Специфика науки как особой сферы социальной деятельности и духовного производства (306с.). Название этих тем показывает, что автор постепенно перешел на почву социологических исследований. Это особенно хорошо заметно по темам последних трех лет его научной деятельности. Так, в 1996 г. тема его исследования – «Этносоциальные проблемы в Дагестане», уже не содержала привычных для него терминов «наука», «методология». Последняя плановая работа 1999 г. была посвящена теме «Философско-социологический портрет дагестанского общества».

В данном издании печатается одна из последних статей Уллубия Алиевича, посвященная анализу проблем развития дагестанского общества в постсоветский период. Текст статьи показывает, что автора глубоко волнуют проблемы стоящие перед современным Дагестаном. Он озабочен отсутствием научных подходов к развитию общества. Его волнуют проблемы социальных конфликтов в Дагестане в том аспекте, что они рассматриваются, как правило, с точки зрения их разрешения, не вникая в их глубинные причины, без изучения фундаментальных процессов, которые их порождают. Его волнуют проблемы обострения межнациональных отношений. Он убежден в том, что межнациональные конфликты конца XX в. в действительности есть конфликты приватизации, конфликты безработицы, конфликты конверсии, конфликты, обусловленные «дифференцированием» капитала. «Они вливаются в межэтнические конфликты, и с фатальной неизбежностью перерастают из межгрупповых в межнациональные». Его глубоко волнует то обстоятельство, что одна крайность советского периода – воинствующий атеизм, сменился на противоположную – объявление религии единственной составляющей духовности: «Стихли голоса философов, историков, психологов. Знания, накопленные ими, как бы не существуют более».

У читателя есть возможность ближе познакомиться с текстом указанной статьи. Ее содержание позволит читателю убедиться в том, что Уллубий Алиевич был не только ученым, но и достойным гражданином, который не мог оставаться в рамках холодных академических рассуждений о судьбах своего народа.

Нельзя не сказать несколько слов о нем как о человеке. В нем очень сложно сочетались серьезность взрослого человека и ученого с детскостью, непосредственностью, инфантильностью в вопросах взаимоотношений с людьми, в семейных отношениях, в обустройстве своей личной жизни. В то же время он не был человеком равнодушным к событиям, происходящим в республике, Дагестанском научном центре, Институте истории, археологии и этнографии, где работал в отделе социологии до последних дней своей жизни. Хочу рассказать о нескольких случаях из его жизни, которые мне запомнились.

В бурные 90-е гг. прошлого столетия конфликты самого различного характера и уровня часто происходили не только в сферах политической, экономической – предпринимательской деятельности, в сфере передела имущества и др. Конфликты легко возникали во всех сферах деятельности человека постсоветской России.

Не избежала этой участи и наука. Благодаря демократическим преобразованиям, гласности рядовые работники приобрели большой вес в определении оценок деятельности руководящих работников в науке. Желая устранить застоявшиеся методы руководства, Уллубий Алиевич открыто выступал против первых лиц в ДНЦ РАН. Когда это не дало результатов, он открыто, приводя убедительные доводы, написал заявление в адрес руководства РАН. Даже в те годы безоглядной эйфории на почве российской демократии, это было очень смело: его легко могли уволить под разными предлогами.

Один раз я видел, как мне казалось, проявление его кажущейся слабости. В Дагестане, да и на всем Кавказе, признаками этого считаются слезы на глазах мужчины. Но в том случае, о котором я хочу все же рассказать, он мне не показался слабым: можно ли считать слабым человека, будь это мужчина или женщина, когда он проявляет крайнюю степень любви к своей матери.

Это случилось в один из летних дней конца 80-х гг. Я по какому-то поводу зашел в его маленький кабинет под номером 418. Зазвонил телефон, он поднял трубку, потом медленно опустил ее и тихо заплакал. Заплакал как ребенок, горькими, неподдельными слезами. На мой вопрос он с трудом ответил: мама умерла. Я знал, что его отец умер рано, а мать вторично вышла замуж, оставив маленького сына на попечение бабушки («Бабушка меня всегда чему-нибудь учил и при этом всегда говорил: попадешь в тюрьму – пригодится»). По сути дела он в детстве не увидел ни отцовской, ни полноценной материнской ласки. Но я понял, что мать для него измерялась не этим. «Мать любят потому, что это мать. Это первая и последняя причина любви человека к матери. А все остальное – между ними» – такая мысль была внушена мне в тот день.

Я помню Уллубий Алиевича и в других, в не менее тяжелых ситуациях испытаний судьбы. Он стойко, бесслезно держался, когда умер его любимый сын. Зная, что смертельно болен в возрасте 65 лет, спокойно говорил о том, что скоро «будет в Кяхулае», то есть на кладбище. Имея в свое время трехкомнатную квартиру в престижном доме и частное домостроение, в конце жизни он оказался в однокомнатной квартире, расположенной на 5 этаже пятиэтажной «хрущобы», по поводу чего он часто шутил. Все это его мало волновало. Он не был слабым человеком. Ни страх перед смертью, ни другие тяжелые испытания не смогли бы сломать его волю. Смерть матери, потеря любимой женщины оказались для него тяжелее. Так и хочется сказать, что это две единственные причины, которые способны заставить плакать настоящих мужчин.

Таким неповторимым в характере, в жизни, в науке мы запомнили Уллубия Алиевича Раджабова – нашего коллегу, товарища, друга.

ЛИТЕРАТУРА

- Кун Т.* Структура научных революций. М., 1977. – 300 с.
- Ленин В.И.* О значении золота теперь и после полной победы социализма. // Полн. собр. соч. Т. 44. С. 221–229.
- Поппер К.* Логика и рост научного знания. М., 1983. – 606 с.
- Раджабов У.А.* Динамика естественнонаучного знания. Наука. М., 1982 г. – 336 с.
- Философия науки //Философский энциклопедический словарь. Изд. «Советская энциклопедия». М., 1983. С. 734.

